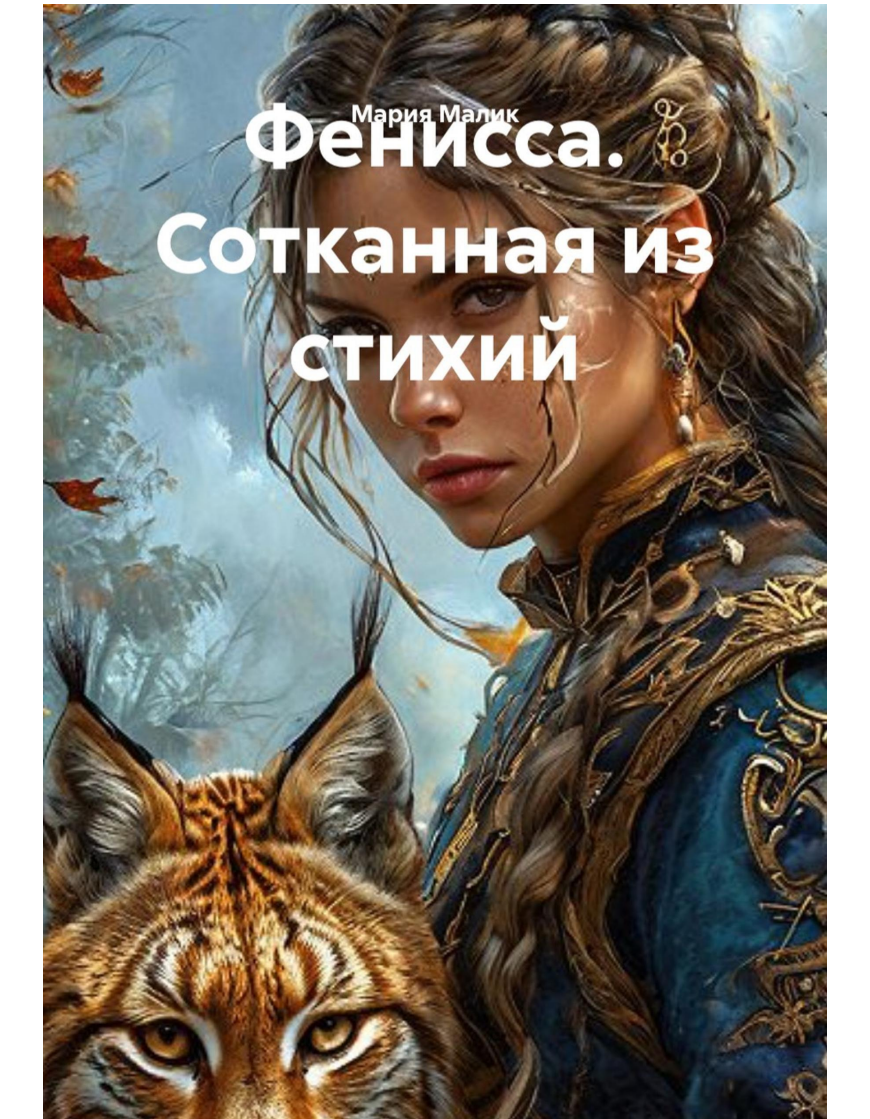

A detailed oil painting of a woman with long, wavy brown hair, looking slightly to the side. She wears a dark blue garment with intricate gold embroidery. In the bottom left corner, the head of a tiger is visible, looking directly at the viewer. The background is a soft, misty landscape with trees and falling leaves.

Мария Малик

Фенисса.

**Сотканная из
СТИХИЙ**

Мария Малик

Фенисса. Сотканная из стихий

<https://litres.ru/74194364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сирота Феня выросла под гнетом тети-тирана. Спасаясь от насильного брака и пожара, она бежит из дома с питомцем - рысью. Ее жизнь невероятно меняется, а природа вокруг Фениссы оживает. Пройдите этот путь вместе с героиней, окунитесь в мир магии, стихий и мистических существ.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мария Малик

Фенисса. Сотканная из стихий

Глава

Фенисса . Сотканная из стихий.

Ночь дышала сонной, обманчивой безмятежностью. Летняя тишина, густая и тёплая, нарушалась лишь ленивым шелестом листьев, играющих с ночным ветерком, далёким, глухим лаем собаки на окраине посёлка да привычным скрипом калитки во дворе. Казалось, весь мир замер в ожидании чего-то важного.

— Феня-я-я! — благостную тишину безжалостно прорезал истеричный, визгливый крик тёти Лены.

Юная, худенькая девочка испуганно подскочила на кровати. Её огромные, широко распахнутые в темноте глаза цвета зеленого крыжовника испуганно сверкнули.

Сердечко забилося дикой, испуганной птичкой, запертой в тесной, душной клетке ребер. Тонкие пальцы судорожно вцепились в старое байковое одеяло. Из-под него растрёпан-

ным облаком выбились густые волосы цвета отполированной меди — в темноте они казались почти чёрными, но ловили редкие отсветы луны через мутное оконное стекло.

Тяжёлые, шаркающие шаги тёти Лены стремительно приближались по коридору.

Пол под её весом недовольно скрипел.

— Ты зачем, зараза такая, блохастого в дом приволокла?!
— дверь в крохотную комнатку с грохотом распахнулась, выпуская в личное пространство Фени резкий запах дешёвого табака, валерьянки и застарелой злости.

Тётя замерла на пороге, подперев монументальные бока руками.

Дальше она перешла на привычное, ядовитое бормотание, от которого Фене всегда хотелось зажать уши и исчезнуть, раствориться в воздухе:

— От одного еле избавилась, так она опять!

За что мне только такая Кара небесная?

Пожалела сироту на свою дурную голову...

Думала, опека нормальные деньги платить будет, государственные, а тут копейки жалкие, только на твой хлеб да обноски и хватает! Хотя бы замуж кто взял по глупости, да кому ты нужна, курица щипаная, прости господи

Завелась. Эта «жалостливая» дурмашина завелась с пол-оборота, как старый, ржавый трактор, и Феня в сотый раз искренне не понимала — откуда только эта женщина берёт

столько топлива для своей вечной, нескончаемой злости?

Феня нехотя, преодолевая сковывающий внутренности страх, выползла из-под тёплого байкового одеяла. Ноги обожгло холодом дощатого пола, но медлить было нельзя — нужно спасти единственного преданного друга.

Малыш оказался уже за дверью, выброшенный тётиной рукой на крыльцо, прямо под пронизывающий, холодный ветер.

Маленький, жалкий комочек безудержно дрожал от стужи. Но стоило Фене опуститься перед ним на колени, как он поднял мордочку. Наперекор холоду и страху, из самой глубины его необычных глаз на девочку преданно и ярко глянул живой зелёный огонёк.

Он был невероятно, сказочно красив. Шерсть — мягкая, густая, украшенная тёмными аккуратными пятнышками, а остренькие ушки венчали уморительные, но гордые кисточки, совсем как у настоящей лесной рыси.

Не раздумывая, Феня подхватила найдёныша, бережно завернула его в подол своего старенького, издавшего виды платья и, прижимая к груди бьющееся тельце, бросилась в обход дома.

Скользнув вдоль забора, она тайком, бесшумно пробралась обратно в свою комнату через открытое настежь окно.

— Маленький, какой же ты красивый... Как же мне называть тебя? — тихонько приговаривала

Феня, ласково поглаживая найдёныша по шёлковой спинке.

Малыш с весёлой жадностью уплетал из глиняной плошки вчерашнюю пшенную кашу, щедро разведённую тёплым молоком.

Глядя на то, как смешно подёргиваются его ушки с кисточками, Феня впервые за долгое время улыбнулась.

Одиночество и страх отступили, уступая место робкой надежде.

А ночью Фене приснился странный, волшебный сон.

Ей снилось, что она — огромная, сильная птица. Взмахивая широкими крыльями, покрытыми яркими, переливающимися на солнце перьями, она парила высоко-высоко над землёй.

В этом выжженном лучами небе она испытывала невероятную, пьянящую лёгкость и абсолютную, недостижимую для тёти Лены свободу.

А совсем рядом, смешно перебирая лапками, летел её котик. У него обнаружили забавные ярко-красные крылышки, а на пушистой мордочке красовался большой загнутый клюв, точь-в-точь как у хищного орла. Это выглядело так нелепо и трогательно, что Феня рассмеялась

Девочка спала крепко и безмятежно, крепко прижимая к себе пушистого друга. Котёнок вытянулся послушной рыбкой под её боком и убаюкивающе выводил трели своим кро-

шечным, уютным моторчиком, охраняя её сновидения.

Утром Феня впервые за долгие, мучительные месяцы проснулась с робкой улыбкой на лице. После той страшной ночи, когда в машину её родителей на полной скорости ударила слепая, безжалостная молния, её мир погрузился во тьму.

Но сегодня сквозь эту тьму наконец-то пробился первый луч света.

Её маленький ночной гость уже вовсю хозяйничал на кровати: забавно прыгал по старому одеялу, охотился за собственным хвостом и уморительно зевал, демонстрируя крошечные розовые зубки.

Феня ласково наблюдала за его возней, но за пушистой шубкой видела собственную душу.

Их судьбы были отчаянно, до боли похожи — оба одинокие, выброшенные на обочину жизни, никому не нужные в этом огромном холодном мире.

— Ты будешь Фейн, — мягко, но на удивление уверенно произнесла она, протягивая руку к его ушкам с кисточками.

Малыш замер, словно признавая это имя и ту скрытую силу, которая прозвучала в голосе девочки.

В этот момент Феня твёрдо решила: она больше не позволит тете Лене обижать ни себя, ни Фейна.

Вопреки ежедневной ругани, ядовитому ворчанию и глу-

хим угрозам тёти Лены, Феня больше не позволяла застать себя врасплох.

Каждый раз, когда тётка заносила над её жизнью свою тяжёлую руку или пыталась вышвырнуть найдёныша вон, Феня словно каменела изнутри, закрывая питомца собой.

И этот её новый, нестигаемый взгляд заставлял «жалостливую дурмашину» испуганно осекаться.

Фейн рос удивительно, неестественно быстро. Месяцы пролетали один за другим, и вскоре обычная пшённая каша осталась в прошлом. Котёнок стремительно превращался в крупного, мощного зверя с тяжёлыми лапами, мускулистой грудью и невероятно умными, по-прежнему горящими зелёным огнём глазами. Он больше не прятался под кроватью. Теперь он ступал по дому бесшумно и царственно, как истинный хозяин тайги, и одним своим глухим, утробным рыком заставлял тётю Лены держаться от их комнаты подальше.

Рядом с Фейном Феня больше не чувствовала себя курицей щипаной.

Вдвоём они превратились в стаю. Защитник вырос, но в воздухе всё отчётливее пахло озоном — приближалась буря, которая должна была навсегда изменить их судьбу.

Тётя Лена внезапно притихла, перестала сыпать угрозами, и на какое-то время показалось, будто их изломанная жизнь наконец-то выравнивается. Но это было лишь обманчивое

затишье перед настоящей бурей.

Всё решилось в один миг - накануне светлого праздника Рождества Христова.

За окнами завывала зимняя стужа, когда в их запертую калитку оглушительно и требовательно постучали. Тётя Лена, едва услышав этот звук, так и подпрыгнула на месте. Сорвав со стула праздничный фартук, она чуть ли не вприпрыжку побежала открывать дверь, будто ждала этих гостей всю свою жизнь.

В дом с клубами морозного пара вошёл рослый, взрослый мужчина. На его висках серебрились суровые нити седины, а тяжёлый взгляд сканировал пространство хозяйским, оценивающим взором.

Следом за ним, толкаясь в узких дверях, семенили две породные женщины с напыщенными лицами, держа в руках накрытые рушниками корзины и пышный свадебный каравай.

Сердечко Фени с размаху упало куда-то в пятки. Внутренний голос, её проснувшаяся интуиция, закричал об опасности: она всё поняла. Без слов.

Тётка с приторной, угоднической улыбкой усадила сватов за наспех накрытый стол. Она щебетала, кружилась вокруг гостей, заливалась весенним соловьём, расхваливая покорность и трудолюбие племянницы.

А саму Феню, стоявшую бледной тенью в углу, никто даже не спросил.

Её судьбу прямо сейчас продавали за чужим празднич-

ным столом.

Хорошо подгулявшие, хмельные сваты остались в доме на ночлег. Из кухни долго ещё доносился их громки, развязный хохот и пьяные выкрики, но для Фени весь мир сжался до размеров её крохотной спальни.

Девочка наглухо забаррикадировалась изнутри, придвинув к хлипкой двери старый комод, и теперь сжималась в углу на кровати, заливая подушку горькими, жгучими сиротскими слезами.

Перспектива будущего ужасала. Жениху было далеко за сорок. Угрюмый, тяжёлый вдовец, да ещё и с троими детьми — он искал не жену, а бесплатную прислугу, безропотную няньку и кухарку. И тётка с радостью отдавала её в это рабство.

Фейн всё понимал. Огромный, грозный хищник занял боевую позицию прямо у порога. Его мощное тело напряглось, как натянутая тетива, а шерсть на загривке стояла дыбом.

Временами он раздражённо, утробно шипел, обнажая острые клыки, стоило ему услышать за тонкой перегородкой гулкие, тяжёлые шаги захмелевшего «жениха», который кружил возле запертой двери, словно сытый волк у овчарни.

Среди ночного кошмара реальности на Феню снова снизошло милосердное беспамятство.

Ей вновь приснился тот самый пророческий сон. Она парила высоко над землёй, чувствуя себя огромной, величе-

ственной птицей. Но в этот раз что-то изменилось. Её яркие перья, переливавшиеся под невидимыми лучами, внезапно налились яростным, живым цветом.

Они стали алыми, как бушующие языки первородного пламени. Фене вдруг сделалось нестерпимо, удушающе жарко, крылья обжигало... и в этот миг её лица коснулось что-то влажное и прохладное. А следом прямо в ухо, оглушительно и требовательно, прозвучал ясный крик на чистом кошачьем языке:

— Ава-а-ай!

Феня с трудом распахнула глаза, мгновенно выныривая из сонного марева. Прохладой был нос испуганного Фейна, который настойчиво тыкался в её щеку.

А вот жар оказался настоящим. По комнате клубился едкий, чёрный дым, за забаррикадированной дверью раздавался страшный треск и пьяные, панические крики.

Дом был объят яростным огнём. Пути назад больше не было.

Собрав в кулак всю свою волю и остатки угасающего от дыма сознания, Феня наспех натянула на себя первое, что попало под руку в темноте.

Действовать нужно было немедленно. Словно повинувшись какому-то древнему, проснувшемуся внутри инстинкту, худенькая девочка подскочила к столу, обхватила пальцами тяжёлый дубовый табурет и со всей силы швырнула его в окно.

Звон бьющегося стекла осколками прорезал гул пожара.

В лицо Фене мгновенно ударил спасительный, обжигающий своей свежестью морозный воздух зимней ночи.

Дорога на свободу была открыта. Но вместе со свежим сквозняком в комнату голодным зверем ворвалось свирепое пламя, мгновенно слизывая старые обои, шторы и одеяло.

Не оборачиваясь назад, Феня шагнула на подоконник. Она покидала эту душную клетку навсегда.

Фейн мёртвой хваткой вцепился зубами в подол её платья и отчаянно, изо всех сил потянул прочь со двора, увлекая подальше от полыхающего ада. На ходу Феня судорожно сорвала со снеговой верёвки какое-то подвернувшееся под руку сухое тряпье, набросила на плечи и рванула вслед за ним. В этот миг она больше не была покорной сиротой — она напоминала дикого зверя, который после долгих лет в тесной клетке наконец-то вырвался на свободу.

Они мчались сквозь метель, не разбирая дороги, куда глаза глядят — дальше, дальше от тёти Лены, от ненавистного жениха, от своего прошлого...

Она пришла в себя лишь тогда, когда лёгкие начало нестерпимо обжигать от безумного бега. Шок и паника понемногу отступили.

Сделав глубокий, судорожный вдох, Феня удивленно замерла, не веря собственным глазам.

Вокруг больше не было ни ревущей рождественской вьюги, ни колючего морозного ветра. Феня и Фейн стояли посре-

ди раскинувшейся во все стороны абсолютно зелёной, сочной поляны. Воздух здесь был напоён ароматом цветущих трав, а всё пространство вокруг заливал мягкий, тёплый, по-настоящему волшебный свет, струящийся словно ниоткуда.

От нахлынувшего неверия, оглушительного удивления и пережитого шока ноги Фенечки подогнулись. Силы окончательно оставили её, и она без сил упала навзничь, погружаясь в объятия высокой, мягкой и неестественно тёплой травы. Накатившее следом беспамятство укутало её сознание плотным КОКОНОМ.

Сколько времени она провела в этом благословенном небытии — часы, дни или недели, — осталось неизвестным.

Но когда Феня наконец открыла глаза, то обнаружила себя лежащей на мягкой постели в незнакомой, залитой солнцем комнате. Здесь удивительно приятно пахло сушёными пряными травами, звенящей чистотой и чем-то неуловимым, похожим на предчувствие новой жизни.

Осторожно поднявшись, девушка побрела на цыпочках в соседнее помещение.

Судя по белёной печи, от которой всё ещё веяло уютным домашним теплом, это была кухня.

В горле после долгого сна нестерпимо пересохло. Заметив в углу большой дубовый

бочонок, Феня подошла, чтобы зачерпнуть студёной воды, но, едва взглянув на гладкую водяную поверхность, в испуге

отшатнулась.

Сердце пропустило удар. Справившись с робким страхом, Феня медленно, сантиметр за сантиметром, снова наклонилась над бочонком. Из дрожащего водяного зеркала на неё смотрела незнакомка. Это была прекрасная, статная девушка. Её роскошные волосы цвета отполированной меди теперь были аккуратно заплетены в тугую, толстую косу, спускавшуюся на плечо. Но больше всего поражали глаза — бездонные, зелёные, как сочный крыжовник, в самой глубине которых теперь ровно и гордо горел тот самый колдовской огонёк, который она раньше видела только у Фейна.

Справившись с первым ошеломляющим шоком, девушка осторожно, затаив дыхание, двинулась вглубь незнакомого дома.

Половицы под её босыми ногами больше не скрипели недовольно, как у тёти Лены, а отзывались ласковым, живым теплом, словно само дерево приветствовало новую хозяйку.

Здесь царили безупречная чистота, покой и уют, о котором Феня раньше не смела даже мечтать.

Она переходила из комнаты в комнату, боясь спугнуть это нахлынувшее на неё волшебство.

В следующей зале её взгляд сразу приковало к себе огромное ростовое зеркало. Его рама не была сделана из привычного багета — его переплетали живые, сочные стебли невиданных цветов, которые слабо благоухали сладкой свежестью. Рядом высился массивный шкаф из светлого, пахну-

щего смолой дерева.

Феня робко потянула за резную ручку.

Внутри обнаружилось несколько платьев.

Длинные, сшитые из тонкой, струящейся ткани, они имели совершенно необычную, колдовскую расцветку: казалось, их соткали из самой лесной природы — из переливов пред-
рассветного тумана, глубокой зелени дубовой листвы и золотистых бликов полуденного солнца.

Феня завороченно провела пальцами по мягкому подолу, и по ткани пробежала едва заметная искорка.

И вдруг, словно от резкого толчка, её пронзила паническая мысль: «Фейн! Где Фейн?!»

Забыв обо всём на свете, она бросилась к выходу и, выскочив на деревянное крыльцо, бесстрашно закричала в подступающие сумерки.

— Фе-ейн!

На её отчаянный зов из густых зарослей вышел мощный, величественный зверь. Он шёл к ней медленно, бесшумно ступая широкими лапами по высокой траве.

Его огромные глаза таинственно и ярко светились в сгущающемся вечернем полумраке. Это была огромная, взрослая лесная рысь.

Но Феня знала без всяких сомнений - это он. Её верный друг, её пушистый питомец Фейн, который в знак своей абсолютной преданности провёл её сквозь огонь и подарил но-

вую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.